

*Реформа 1861 года и ее отражение в лирике Некрасова.
«Крестьянские дети». Поэма «Коробейники» и ее значение
в эволюции творчества Некрасова*

1861 год — год пресловутого «освобождения крестьян» — протекал в обстановке исключительно важных, нередко поистине трагических событий. Крестьянская реформа была грабительской реформой; такую характеристику дает ей В. И. Ленин.

«Крестьян „освобождали“ в России, — говорит Ленин, — сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители“ так повели дело, что крестьяне вышли „на свободу“ ободренные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам. . .

«Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после „освобождения“ такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России».¹

Не удивительно, что крестьянство, хотя и не отличавшееся достаточной сознательностью и неорганизованное, ответило на реформу огромным количеством волнений. Их общее число определяют в 1176 за один только 1861 год. Притом усилилась их решительность, и все более и более они стали приобретать массовый характер. Правительство прибегало к беспощадно жестоким вооруженным расправам с восставшими. Печальную известность приобрели события в с. Бездне (Казанской губ.) и с. Кандиевке (Пензенской губ.).

Некрасов, будучи подлинным певцом крестьянской демократии, откликнулся на крестьянскую реформу и ее последствия прежде всего несколькими лирическими стихотворениями — «Свобода», «На смерть Шевченко», «Что ни год — умень-

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 65.

шаются силы», «Тургеневу», часть которых смог напечатать только через несколько лет после их создания, а остальные по цензурным условиям вовсе не были напечатаны при его жизни.

В начале первого из этих стихотворений чувствуется некий либеральный привкус, но несколько ниже он сильно ослабляется словами:

Знаю: на место сетей крепостных
Люди придумали много иных...

Сказать это — значило усумниться в основном: в «благодетельности» реформы для крестьянских масс. А раз поэт в этом сомневался, раз он знал, твердо знал, что «на место сетей крепостных» не «придумают», а уже «придумали много иных», то тем самым его стихотворение настолько выпадало из общего хора славословий по адресу «царя-освободителя», что напечатать его стало возможным только через 8 лет (!) после опубликования царского манифеста.

Несравненно более резким в социальном отношении является стихотворение «Что ни год — уменьшаются силы». Как бы подчеркивая стихотворение «Свобода», по крайней мере начальные его строки, поэт с исключительной категоричностью заявляет здесь, что ему суждено умереть, «не дождавшись свободы» «матери-отчизны». В этих словах нельзя не усмотреть совершенно четко и определенно выраженного отказа считать крестьянскую реформу истинной свободой, подлинным освобождением.

Не менее определенный смысл имеют слова поэта о том, что покамест к нему не доносится со стороны «родного селенья» ни «звука единого», «под которым не слышно» было бы «кипенья человеческой крови и слез». Если бы эти слова писались не в 1861 году, когда во многих «селеньях» не желавшие принимать царского освобождения крестьяне усмирялись нарочито посланными воинскими командами, с обильным пролитием крови, то они могли бы навлечь на поэта обвинение в излишнем гиперболизме, но в 1861 году такого рода обвинения отнюдь не могли иметь места, ибо, повторяем, многие «селенья» были буквально залиты крестьянской кровью. А вслед за ручьями крови лились осиротевшими семьями реки слез.

Таким образом, и в этом стихотворении, как в огромном большинстве своих зрелых стихотворений, Некрасов остался художником-реалистом, для которого правда жизни была дороже всего. Но эта правда жизни, мрачная и горькая правда, облекалась им в стихи, приспосабливаемые к такому вдохновенному

лиризма, что не могла не производить потрясающего впечатления на читателей.

К такому же выводу неизбежно приходишь по прочтении стихотворения «Тургеневу». Прежде всего Некрасов ставит в вину адресату стихотворения, что он, как только «луч едва блеснул сомнительного света» (прямой намек на «освобождение» крестьян), стал ждать «рассвета» (т. е. подлинного обновления русской жизни) и «в душе питать какие-то надежды». Мало того, изображенный в стихотворении деятель проникся враждебным отношением к «идушим до конца», т. е. к революционным борцам, и готов примириться с представителями реакции. А между тем для такого примиренья в окружающей действительности нет ровно никаких оснований:

В среде всеобщей пустоты
 Всесбщего растленья
 Какого смыслу ищешь ты,
 Какого примиренья?¹

И далее знаменитая концовка:

Кому назначено орлом
 Парить над русским миром,
 Быть русских юношей вождем
 И русских дев кумиром,

Кто носит истину в груди,
 Кто честно любит брата,²
 Тому с тернистого пути
 Покамест нет возврата.

Непримиримый враг цепей
 И верный друг народа,
 До дна святую чашу пей,
 На дне ее — свобода!

Над текстом данного стихотворения дата — «14 июля», под текстом — «7 июля». Отсюда вывод, что оно писалось не только после опубликования манифеста, но и после зверских расправ воинских команд с волновавшимися, а то и восставшими крестьянами, приобретая тем самым значение отклика и на манифест, и на эти расправы. Только что процитированные заключительные стихи формулируют этот отклик с не допускающей каких-либо двойных толкований определенностью: для «непримиримого врага цепей и верного друга народа» нет

¹ Цитируется по одному из вариантов.

² Этот и предыдущий стих цитируются по одному из вариантов.

иного выхода, как пить «святую чашу» до «дна», ибо «на дне ее — свобода», иными словами нет иного выхода, как активное участие в революционной борьбе.

Стихотворение «На смерть Шевченко» стоит несколько особняком прежде всего потому, что содержание его, на первый взгляд, не имеет ни малейшего отношения к крестьянской реформе. Однако если присмотреться к нему внимательнее, то нельзя не прийти к иным выводам. С тоской и возмущением говоря о смерти Шевченко, скончавшегося за несколько дней перед опубликованием манифеста, поэт и эту тоску и это возмущение как бы распространяет на крепостное право. Ведь оно, именно оно, сыграло такую трагическую роль в жизни Шевченко. А затем стихотворение содержит в себе необычайно резкую характеристику современной социальной действительности, причем эта характеристика построена так, что ее нельзя относить только к недавнему прошлому, ее приходится относить и к настоящему. С другой стороны, изображаемую в рассматриваемом стихотворении горестную судьбу «русской земли человека замечательного» нельзя рассматривать как индивидуальную судьбу Шевченко, ее приходится рассматривать как судьбу очень многих.

Горестна участь Шевченко, что и говорить, но еще большее значение приобретает тот факт, что

*Так погибает, по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: ¹ молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие дни заточения.*

Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности...

Разве эти строки не заключают в себе широкого обобщения? Разве их нельзя было бы отнести к петрашевцам, к деятелям типа Крота из поэмы «Несчастные»? Знаменательно, что они писались как бы в предвидении тех репрессий, которые уже готовы были обрушиться на головы ближайших сотрудников Некрасова — на голову М. И. Михайлова в 1861 году, на голову Н. Г. Чернышевского в 1862 году и т. д.

Особенно замечательна строка «*Так погибает, по божией милости*». Она дает основание утверждать, что Некрасов понимал, что употребление прошедшего времени («погибал»)

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

вместо настоящего («погибает») было бы неоправданным оптимизмом. Не только так погибали революционные борцы в прошлом, но так погибают они в настоящем, но так же будут погибать в грядущем.

Социальную остроту данного стихотворения усугубляет еще и то, что оно пронизано на редкость гневным и ядовитым сарказмом, особенно ярко сказавшимся в начале:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный...

Обращает на себя внимание определенно ироническое отношение к богу: «погибает по *божией милости*», или «русских людей *провиденье игривое*», или «тут ему бог *позавидовал*».¹ Нет надобности доказывать, что ирония во всех приведенных примерах неразрывно связана с протестом, в основе которого чувствуется явное вольномыслие.

В заключение нельзя не прийти к выводу, что стихотворение «На смерть Шевченко» — одно из самых резких по своему общественному смыслу стихотворений Некрасова. Нет надобности доказывать, что Некрасов не смог бы написать подобного стихотворения, если бы был сколько-нибудь удовлетворен крестьянской реформой. Не удовлетворение, не умиление, а жгучее негодование рождала в душе поэта эта поистине грабительская реформа.

Наряду с лирическими стихами Некрасов создал в 1861 году два больших лиро-эпических произведения. Это «Крестьянские дети» и поэма «Коробейники». Не случайно, конечно, годом создания их был 1861 год. Год этот в такой мере приковал общественное внимание к крестьянскому вопросу, что такой исключительно чуткий к веяниям переживаемого момента, к тому же один из самых передовых людей эпохи, каким был Некрасов, не мог не посвятить крестьянству произведений, несравненно более крупных по объему, чем раньше. Если раньше Некрасов как поэт говорит о крестьянстве в произведениях сравнительно небольших по объему, каковы, например, «В дороге», «Огородник», «Тройка», «Вино», «В деревне», «Влас», «Забытая деревня», «Школьник» и т. д., то теперь он чувствует потребность рисовать более или менее широкие картины из жизни крестьянства.

В содержании исключительно популярного, во всех школьных хрестоматиях утвердившегося стихотворения «Крестьянские дети» автобиографические элементы теснейшим образом

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

переплетаются с бытописательными, говоря конкретно, с рядом замечательно жизненных и правдивых, свидетельствующих о быстром росте реалистического мастерства Некрасова картин из жизни крестьянских детей.

В рукописи данное стихотворение названо «детской комедией». Однако Некрасов правильно поступил, отказавшись от этого заглавия, ибо черты «комедии», т. е. драматического произведения, выражены в «Крестьянских детях» слабее, чем черты лиро-эпических описаний, заставляющих вспомнить не о комедии, а скорее об идиллии. В самом деле, элементы комедии в форме диалога характерны только для первой вступительной части стихотворения, а элементы лиро-эпического описания составляют его основную художественную ткань.

Присмотримся же ближе к этому замечательному произведению Некрасова. В чем его идейный смысл?

Конечно, в том, чтобы не только лишний раз выявить свою любовь к народу, свое уважение к нему, свою веру в него, — центральная тема поэтического творчества Некрасова! — но и на материале изображения быта крестьянских детей внушить эти чувства своим читателям.

Для данного произведения Некрасов, одной из наиболее отличительных черт которого как художника было стремление к максимальной простоте (где простота, там и правда!), избрал самую простую композицию. «Крестьянские дети» — это нечто вроде «записок охотника», распадающихся на три части.

Первая, имеющая характер как бы вступительной главы, говорит об отдыхе автора-охотника в сарае, после утомительной ходьбы по болоту, а затем воспроизводит подслушанный им разговор наблюдавших за ним сквозь щели сарая деревенских ребятишек. Приступая к передаче этого разговора, автор не может удержаться от следующего «лирического отступления», вызванного впечатлением от «вереницы... внимательных глаз» и сразу придающего определенную окраску всему стихотворению:

Всё серые, карие, синие глазки —
 Смешались, как в поле цветы.
 В них столько покоя, свободы и ласки,
 В них столько святой доброты!
 Я детского глаза люблю выраженье.
 Его я узнаю всегда.
 Я замер: коснулось души умиленье...

В серединей, — она же основная, — части стихотворения воспоминания автора о своем детстве, проведенном в непосредственном общении с крестьянскими детьми, о своем

совместном с ними времяпрепровождении искусно увязаны с наблюдениями, сделанными автором, очевидно, позднее. В результате получается необычайно яркая, живая, поражающая своей правдой, поистине классическая картина жизни и быта деревенской детворы.

В состав этой именно части входят и еще два «лирических отступления». В одном из них Некрасов говорит о своей любви к крестьянским детям и иронизирует над теми, кто под влиянием сословных предрассудков готов «ненавидеть» их, как «низкого рода людей». В другом, посвященном бессмертному, известному каждому советскому школьнику, рассказу о встрече автора с «малюточкой Власом», Некрасов возвышается до столь патетического, а вместе с тем и высокохудожественного излияния, что его не передашь никакими словами:

На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег, до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимою, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злости и боли,¹
В которых так много любви! .¹

«Люби» — к народу, «боли» — от сознания того, как трудно и горько ему живется, «злости», — разумеется, против тех, кто является виновником народных страданий. Некрасов в своей крестьянской тематике этих лет снова и снова подчеркивает мысль огромной социальной остроты и важности: действенная любовь к народу должна проявиться в ненависти к его угнетателям:

И как любил он — ненавидя!

(«Блажен незлобивый
поэт»).

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

(«Замолчки, Муза мести
и печали!»).

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

Знаменательно, что он особенно остро ставит этот вопрос непосредственно после пресловутого «освобождения» крестьян, тем самым подчеркивая, что оно не внесло изменений в его общественную позицию. Попрежнему любовь к народу, оставшемуся и угнетенным и обездоленным, не может не вызывать ненависти к его угнетателям.

Переходим к анализу «Коробейников», произведения, занимающего исключительное место в творчестве Некрасова. Чтобы оценить его по достоинству, необходимо учесть ряд обстоятельств, а прежде всего то обстоятельство, что оно знаменует собой начало нового периода в эволюции некрасовского творчества. Со середины 40-х годов поэзия Некрасова стала выражать идеи революционной демократии, но с проповедью этих идей Некрасов преимущественно обращался к демократической интеллигенции, т. е. к той социальной прослойке, к которой принадлежал сам. Об этом с достаточной определенностью говорится в стихотворении 1856 года: «Чуть чуть не говоря». Утверждая в нем, что его читатель не имеет ничего общего со светской «публикой», пред которой благоговеет «общих мест присяжный расточитель», поэт заявляет:

Друзья мои по тяжкому труду,
По Музе гордой и несчастной,
Кипящей злобою безгласной!
Мою тоску, мою беду
Пою для вас...

В этих пяти строчках содержится достаточно определенная характеристика читателей Некрасова в 40-е и 50-е годы. Это — люди «тяжкого труда», труда не физического, а интеллектуального, люди «гордые и несчастные», «кипящие», подобно самому поэту, «злобою безгласной». Последние слова не оставляют никакого сомнения, что те, к которым обращается поэт, настроены более чем протестующе — они ведь «кипят злобой», но условия окружающей действительности таковы, что эта злоба остается «безгласной», т. е. не имеет возможности проявиться в гласных суждениях, в печати.

Видеть в таких людях своих читателей, быть певцом такой социальной группы — почетно, и Некрасов, разумеется, превосходно понимал это. Но в 60-е годы роль певца демократической, революционно настроенной интеллигенции, хотя и высоко стоящей в общественном отношении, но крайне немногочисленной, а потому не располагавшей достаточными возможностями сколько-нибудь существенно влиять на социаль-

ную жизнь огромной страны, уже не могла удовлетворять поэта. Политическое сознание демократа требовало поднимать народ на борьбу. И ожидание крестьянской реформы, и ее проведение в жизнь, и вызванные этим событием последствия должны были всколыхнуть и на самом деле всколыхнули массы. Массы того самого народа, который так хорошо знал, так горячо любил Некрасов. Если до 60-х годов он, чувствуя свою кровную связь с народом, так часто обращался к изображению народа в своем художественном творчестве, если в его произведениях нашли себе отражение социальные устремления и чаяния того же народа, то в 60-х годах он не мог не придти к убеждению, что говорить о народе, даже говорить от имени народа — еще недостаточно. Интересы момента властно требовали, чтобы он стал поэтом для народа, а для того, чтобы стать поэтом для народа, необходимо было еще в большей степени проникнуться народным духом, необходимо было овладеть народным языком, в том числе и словесными сокровищами народного творчества, иными словами, создать такой поэтический стиль, который сделал бы его произведения доступными восприятию широких народных масс, причем решение этой и без того трудной задачи усложнялось тем, что Некрасов никогда не пошел бы на вульгаризацию своего стиля, которая неудержимо повлекла бы за собой и снижение художественного уровня его произведений.

Нет надобности доказывать, что эта задача была поставлена перед Некрасовым социальным бытием переживаемой им эпохи и тем, что он оценивал это бытие как человек, усвоивший революционно-демократическую идеологию.

Кроме этой общей причины, не подлежащей с нашей точки зрения никакому сомнению, в данном случае могли иметь место и некоторые другие, более частные.

Общеизвестно, как Некрасов любил и ценил Добролюбова, в котором видел критика исключительно крупного масштаба. Хотя Добролюбов был значительно, — на целых 15 лет! — моложе Некрасова, но последний очень прислушивался к его мнениям. Вот почему та упорная пропаганда народности в литературе, которую вел Добролюбов, в течение всей своей, — уввы! столь кратковременной, — литературной деятельности, не могла пройти мимо Некрасова. Пропагандируя народность в литературе, Добролюбов желал видеть в русских писателях прежде всего народных писателей. Нельзя допустить, чтобы, печатая на страницах «Современника», рядом со своим «Эпиграфом ненаписанной поэмы», знаменитую статью Добролюбова

«О степени участия народности в развитии русской литературы» («Современник», 1858, № 2), Некрасов не остановился с особым вниманием на следующих ее строках: «... чтобы быть поэтом истинно народным, ... надо проникнуться народным духом, прожить его жизнью, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., почувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ».¹ Не могла не быть известна Некрасову и та фраза в данной статье, которая была исключена цензурой и выражала одну из самых задушевных мыслей Добролюбова: «*Но оурно* [вот что: *между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе*]».² Создание «партии народа в литературе» — вот к чему, следовательно, были прикованы мысли Добролюбова. И не только, конечно, Добролюбова. Об этом же думал Чернышевский и, само собой разумеется, Некрасов.

В целях конкретизации своих мыслей о «партии народа в литературе», которую могли составить только подлинно народные писатели, Добролюбов ссылался на Шевченко. Как раз за год до начала работы Некрасова над «Коробейниками» в «Современнике» (1860, № 3) появилась рецензия Добролюбова на новое издание «Кобзаря». Здесь Добролюбов рассматривает Шевченко как поэта «совершенно народного», у которого «весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни», он подчеркивает, что Шевченко «при первых же лучах нравственного, свободного сознания, ... устремился... душою к своей бедной родине, припоминая ее сказания, повторяя ее песни, представляя себе ее жизнь и природу... Он близок к народной песне, а известно, что в песне вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящий характер Украины... У Шевченка мы находим все элементы украинской народной песни».³

Мы не решились бы утверждать, что добролюбовская пропаганда сыграла основную роль в том повороте, который намечился в поэзии Некрасова в 60-е годы и особенно явственно сказался в 1861 году. Повторяем, что здесь определяющее значение имели социальные условия эпохи, их воздействие на психологию и идеологию поэта, всей эволюцией своего мировоззрения, всем ходом своего творческого развития подготов-

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 1, 1934, стр. 235—236.

² Там же, стр. 211. Курсив наш. — В. Е.-М.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 2, 1935, стр. 562, 563, 566.

ленного к тому, чтобы стать «поэтом истинно народным» в том именно смысле, в каком употреблял это выражение Добролюбов.

Однако, думается, было бы ошибкой утверждать, что добролюбовская пропаганда прошла для Некрасова совершенно бесследно. Постоянно, из года в год рисуя идеал «поэта истинно народного», Добролюбов как бы внушал Некрасову стремление приложить все усилия, чтобы еще более приблизиться к этому идеалу. И это стремление, естественно, могло быть усилено впечатлениями от смерти Шевченко, в творчестве которого, по убеждению Добролюбова, идеал народного поэта нашел свое воплощение.

Как бы то ни было, но поэма «Коробейники» — первое крупное произведение Некрасова, свидетельствующее об его стремлении удовлетворить требованиям, предъявляемым Добролюбовым к произведениям «поэта истинно народного». Нет сомнения, что Некрасов совершенно сознательно и обдуманно избрал для своей поэзии и содержание и форму, в максимальной степени доступные восприятию самого широкого, в первую очередь народного читателя и в то же время в максимальной степени способные его заинтересовать и увлечь. Некрасов в течение всей своей деятельности не забывал о своих друзьях «по тяжкому труду, по Музе гордой и несчастной, кипящей злобою безгласной» («Чуть-чуть не говоря»), не сомневаясь, что любое его произведение найдет в их среде сочувственный отклик, но «Коробейников» он посвятил другим читателям. У Некрасова вообще очень мало «посвящений», но «Коробейников» Некрасов, не без демонстративности посвящает простому мужику. Хотя этот мужик и назван поэтом по имени, хотя это имя отнюдь не вымышленное, а принадлежит определенному лицу, одному из постоянных спутников Некрасова по охоте — Гавриле Яковлевичу, однако значение посвящения не столько в том, что оно обращено к определенному лицу, сколько в том, что оно обращено к мужику вообще, иначе говоря — к массовому народному читателю.

Вспомним текст посвящения:

Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
 Угодить тебе хочу,
 Буду рад, коли понравится,
 Не понравится — смолчу.

Некрасов, само собой разумеется, напрасно опасался, что его поэма может «не понравиться». Она имела исключительный успех, некоторые строфы ее, в форме массовых песен, вошли в бесчисленное количество всевозможных песенников. 90 лет протекло со времени создания «Коробейников», но и в наши дни «Коробушка» продолжает оставаться любимейшей народной песней.

Услышишь песенку свою
 Над Волгой, над Окой, над Камой. . .
 («Баюшки-баю»).

Эти пророческие слова, которые произнес Некрасов при последних расчетах с жизнью, прежде всего и больше всего относятся к «Коробушке».

В чем разгадка исключительного, как мы сказали, успеха «Коробейников»? И в глубине идейного замысла и в необычайном своеобразии формы, которая несмотря на свою простоту, вернее благодаря своей простоте, ощущается как художественно совершенная.

В «Коробейниках» Некрасов вернулся к композиции, успешно использованной им в «Трех странах света» и отчасти в «Тонком человеке», — композиции, основанной на путешествии героев. Подобная же композиция несколько позже была применена поэтом в произведении, венчающем, а в значительной степени и завершающем его творческий путь, — в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Одно из основных отличий малой поэмы от большой заключается в том, что в малой любовная фабула увязана с острым, хотя и несколько беглым показом социальной жизни, а в большой социальная жизнь показана во всем ее многообразии.

Поскольку «Коробейники» были задуманы как поэма сугубо лирического, сугубо песенного типа, Некрасов, думается, поступил совершенно правильно, введя в нее любовную фабулу, благодаря чему удалось приблизить «Коробейников» к произведениям устного народного творчества и придать их содержанию захватывающий драматизм в формах, доступных восприятию самого широкого читателя. Это, как будет показано ниже, ни в малой мере не помешало Некрасову насытить свою поэму серьезным социальным содержанием.

«Коробейники» распадаются на 6 глав, различных по своему характеру, но тесно друг с другом связанных.

Первая — нечто вроде лирической интродукции — содержит в себе незабываемое описание любовного свидания молодого коробейника и Катериночки. Оно как раз и вдохновило поэта на создание бессмертной «Коробушки». Любовь крестьянской пары изображена Некрасовым такими светлыми, радостными красками, каких никто еще из русских поэтов, предшественников Некрасова, не употреблял при разработке аналогичного сюжета.

Однако лирический подъем, проникающий первую главу, не препятствует реалистическому показу героев. Уподобляя любовное свидание торгу купца с покупательницей («Продает товар купец, Катя бережно торгуется, все боится передать» и т. д.), поэт тем самым напоминает о том, что Ваня не просто влюбленный юноша, но в то же время и коробейник, т. е. «торгаш», как он назван несколько ниже.

Вторая глава целиком посвящена изображению торгова, который ведут коробейники в селе, причем опять-таки в чисто реалистическом плане подчеркнута и жадность торгашей, в особенности Тихонича, стремящихся продать свой товар подороже, и волнение, вызванное торгом среди женской части населения. Безрадостна жизнь крестьянки, и даже тот суррогат радости, который доставляют грошовые обновы, купленные у коробейников, для нее имеет большое значение.

Реалистический план, которого неизменно придерживался автор «Коробейников», побудил его вложить в уста старой крестьянки такие слова по адресу коробейников:

«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Однако справедливость требует отметить, что поэт не ставит знака равенства между коробейниками и подлинными эксплуататорами народа. Коробейники, по Некрасову, — это те же крестьяне, для которых их профессия — отхожий промысел, требующий тяжелого труда; к тому же они не порвали связей с деревней, с ее трудовым обиходом. Вот почему Некрасов нимало не погрешил против правды жизни, вложив в уста коробейников ряд таких рассуждений и социальных оценок, которые естественны в устах именно представителей трудового крестьянства.

Эти рассуждения и оценки содержатся уже в третьей главе поэмы. Примечательно, что оба коробейника резко

отрицательными чертами характеризуют деревенских кулаков-мироедов.

В четвертой главе поэмы не менее резко охарактеризованы помещики и в особенности модничающие помещицы («Хоть бы наша: баба старая» и т. д.).

Крепнет и богатеет буржуазия, постепенно разоряются помещики, хотя у них еще хватает средств как на покупку парижских товаров, так и на содержание целых орав «борзителей» и целых свор охотничьих собак. Что же касается положения народных масс, то оно показано в «Коробейниках» как безысходное, тяжелое. Причина этого не только в эксплуатации буржуазии и помещиков, но и в затеянной царем войне (действии «Коробейников» отнесено к эпохе Крымской кампании).

Вот относящиеся сюда, так и врезающиеся в память строки из третьей главы:

Подошла война проклятая
 Да и больно уж лиха,
 Где бы свадебка богатая —
 Цоп в солдаты жениха!
*Царь дурит*¹ — народу горюшко!
 Точит русскую казну,
 Красит кровью Черно морюшко,
 Корабли валит ко дну.
 Перевод свинцу да олову,
 Да удалым молодцам.
 Весь народ повесил голову,
 Стон стоит по деревням.

Набранные курсивом слова отсутствуют в печатном тексте. Причина в абсолютной их недопустимости по цензурным условиям. Сознвая это, Некрасов должен был их изменить: вместо имеющегося в рукописи слова «царь» он ввел в печатный текст слово — «враг». Мы не рискнули бы утверждать, что это неудачная замена. Ведь враг, с которым сражались защитники Севастополя, кстати сказать те же мужики, по одетые в солдатские мундиры, бесспорно, был повинен в бедствиях народа, да и кроме того, в этом определении был ясный социальный смысл. Но главным виновником этих бедствий, с точки зрения поэта революционной демократии, конечно, был царь. Это он затеял войну с исключительно сильным противником, не учтя соотношения сил, это он довел страну до такого состояния, при котором война не могла кончиться успешно, ибо поддерживаемый им социальный строй, уста-

¹ Курсив наш, — В. Е.-М.

новленные им порядки вели к тому, что плохо вооруженная, плохо снабжаемая, возглавляемая бездарными генералами из числа его любимцев русская армия, несмотря на героизм солдат, терпела за неудачей неудачу.

Пятая часть поэмы почти целиком посвящена развитию и углублению ее любовного сюжета. В песенно-лирическом плане, неизменно удававшемся Некрасову, изображены любовь и тоска по милом верной и преданной Катеринушки («слезы в три ручья лила»), а также ее неизбывное трудолюбие, проявляемое в страдные дни летних и осенних полевых работ.

Образ Катеринушки, как он дан в пятой части поэмы, так напоминает образы двух основных крестьянских героинь Некрасова — Дарьи из «Мороза» и Матрены Тимофеевны из «Кому на Руси жить хорошо», что, независимо от своего самостоятельного значения, может быть рассматриваем как своего рода подготовительный этюд к созданию этих монументальных образов.

Последняя, шестая часть содержит и развязку любовного сюжета и некое обобщение тех социальных мотивов, которые, как мы видели, пронизывают поэму.

Замечательно то мастерство, которое проявляет поэт, подготавливая читателей к трагической развязке. Природа словно предупреждает коробейников, что им угрожает смертельная опасность (прием, впервые, если не ошибаемся, примененный в русской литературе гениальным автором «Слова о полку Игореве»):

Чу! как ухалица ухает,
Чу! ребенком стонет сын.

Многоопытный Тихоныч, чтобы отвлечь внимание явно замышляющего недоброе лесника в другую сторону, рассказывает потрясающую историю о Титушке-ткаче и поет сложенную им невыразимо тоскливую «Песню убогого странника».

И этот рассказ и эта песня выполняют двойную функцию: с одной стороны, настраивают читателей так, что благополучная развязка становится явно невозможной, с другой, они усиливают социальную остроту поэмы.

История Титушки свидетельствует о бездушии судебных чиновников, благодаря которому ни в чем неповинный человек протомился целых двенадцать лет в остроге.

Что касается «Песни убогого странника», то никогда до того Некрасов не давал более сконцентрированного изображения народных страданий, как в ней. Ее монотонность, ее унылое однообразие удивительно гармонируют с ее беспро-

светно-безрадостным содержанием. Для нее, как нельзя лучше, подошла бы знаменитая концовка «Орины, матери солдатской»:

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

Причина этого горя — голод и холод, полновластно царящие в деревенской жизни и обрекающие крестьянина на нужду, на темноту, на дикость, на пьяный разгул и т. д. и т. п.

Что же нужно для того, чтобы положить конец этому всевластию голода и холода с их пагубными последствиями?

Некрасов не дал прямого ответа на этот вопрос в «Коробейниках», хотя дал его в других стихотворениях 1861 года, а прежде всего в послании «Тургеневу» («До дна святую чашку пей, на дне ее — свобода!»), но какой ответ он имел в виду — это яснее ясного было для всех сколько-нибудь сознательных читателей и почитателей его произведений.

Знаменательно, что этот ответ все в том же 1861 году (год издания царского манифеста об освобождении!!) с не допускающей двойного толкования прямою сформулировал великий друг и соратник Некрасова Н. Г. Чернышевский. В статье о рассказах Николая Успенского, помещенной в «Современнике»¹ непосредственно за выходом в свет второго издания «Стихотворений» Некрасова,² процитировав знаменитые строки:

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?

Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Чернышевский продолжает: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. „Я живу холодно, холодно“. — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — „Я живу голодно, голодно“. — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь? — „Жену я бью, потому что рассержен холодом“. — Да разве жена в этом виновата? — „Я в кабак иду с го-

¹ Н. Г. Чернышевский. Не начало ли перемены? «Современник», 1861, № 11, стр. 101.

² Это издание вышло в свет в ноябре 1861 года.

лоду". — Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп».

Нечего доказывать, что этот интереснейший диалог между «мужику» и Чернышевским преследовал одну цель: втолковать «мужику», а вместе с тем и всей русской общественности, что «мужик» только тогда перестанет быть «простофилю», только тогда докажет, что он не «глуп», когда в сознании своих прав, неоспоримых прав на лес и на землю, восстанет против своих вековых эксплуататоров и угнетателей. Если бы Некрасов хоть частично не был согласен с этим толкованием, с достаточными откровенностью и определенностью подчеркивающим революционный смысл его произведения, а вместе с тем зачисляющим его в лагерь революционной демократии, он как основной редактор «Современника» имел все возможности не допустить появления процитированных строк в печати. Он этого не сделал, тем самым как бы подтвердив, что он солидарен с толкованием «Песни убогого странника» Чернышевским. И это ему тем легче было сделать, что, как мы старались показать в предыдущих главах, с 1858 года он все определеннее и определеннее начинает высказываться в революционном духе, а после 19 февраля окончательно и бесповоротно укрепляется на революционных позициях.

Так как революционная проповедь, содержащаяся в «Коробейниках», была обращена к народу, иными словами данная поэма, как уже отмечалось выше, писалась для народа, то особое значение приобретали ее язык, ее стиль, одним словом ее художественная форма, ибо от степени ее доходчивости, доступности для восприятия широких масс зависел успех или неуспех содержащейся в ней пропаганды. Некрасов хорошо сознавал это и все усилия приложил, чтобы вставшую перед ним задачу разрешить наиболее успешным образом. В этих целях он, во-первых, насытил свою поэму народными словами, выражениями, оборотами до таких пределов, до каких не насыщал еще ни одного своего произведения, во-вторых, насквозь пронизал ее складом и ладом устного народного творчества (фольклора). В результате «Коробейники» воспринимались и воспринимаются как произведение, представляющее собой как бы сказ, а в то же время как бы песню, вышедшие непосредственно из народной среды.

Здесь уместно подчеркнуть, что песенная стихия — одна из основных стихий в поэзии Некрасова, этого истинно народного поэта.

«Стихи, которые невозможно пропеть, едва ли заслуживают имя стихов»,¹ — писал Чернышевский. «Песня Некрасова, — справедливо замечает С. Я. Маршак, — не кольцовская песня. Она — сложная, многоголосая. В ней звучит то хор, то отдельные голоса. Широкая мелодия сменяется речитативом и, наконец, совсем преодолевается характерным говором и повествованием. . . Как хороший певец, Некрасов так искусно владеет дыханием, что может в любой строфе развернуть весь диапазон человеческого голоса от его верхов до самых низов, от высокого, залиvistого тенора до густого низкого баса»² (в подтверждение автор цитирует некрасовские «Похороны»).

Широчайшее внесение песенной стихии позволяет поставить вопрос о новаторстве Некрасова в этой области. Новаторство его заключалось, прежде всего, в том, что песенное начало, теснейшими узами соединявшее его поэзию с народом, пронизывает большинство его произведений. Затем с неменьшей силой его новаторство проявляется в том, что Некрасов владеет удивительной способностью создавать песни, настолько по своему складу и ладу напоминающие подлинно народные, что иногда трудно бывает провести грань, где кончается некрасовская песня и начинается подлинно народная. Далее, как создатель песен Некрасов отличается тем, что, продолжая дело, начатое Рылеевым и Бестужевым, нередко делает свою песню ярко агитационной. Для этого, конечно, прежде всего, необходимо было насытить ее политическим содержанием. Некрасов смело вступает на этот путь и достигает на нем исключительно успешных результатов, как об этом свидетельствуют многочисленные «Песни Гриши» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», в том числе знаменитая «Русь», которую так часто цитировали В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Возвращаясь к поэме «Коробейники», следует отметить, что в стремлении популяризировать свою революционно-демократическую поэзию в народных массах Некрасов в 1862 году выпустил эту поэму особой брошюрой и через книгонош распространял ее среди народа по цене 3 коп. за экземпляр, причем на свою долю оставил только расходы по изданию.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 555.

² «Новый мир», № 12, 1950, стр. 202, 203.